

**Патриотический подъем в народных массах в начальный период освоения
целинных и залежных земель в СССР в 1954–1955 гг. (По материалам
Костромской области)**

Научный руководитель – Белов Андрей Михайлович

Рыбин Андрей Александрович

Аспирант

Костромской государственной университет, Кострома, Россия

E-mail: rybin-andreyka@bk.ru

Здравствуй, друг, привет тебе с Алтая!

Здесь у нас красива и ясна

На просторах золотого края

Развернулась бурная весна...

С.

Плотников «Письмо с Алтая» [1].

В первые годы освоения целинных и залежных земель в СССР наблюдается патриотический подъем в народных массах. Костромская область не стала исключением: местные целинники-добровольцы испытывали патриотические чувства и просили руководящие органы отправить их работать на новые земли. В статье на основе архивных источников и воспоминаний современников предпринята попытка анализа патриотического подъема костромичей, исследованы мотивы, которые заставляли добровольцев участвовать в освоении новых земель.

Целинная кампания стала яркой страницей отечественной истории. После тяжелых лет Великой Отечественной войны страна возвращалась к новой жизни. Этот путь восстановления был трудным. Нехватка продуктов питания и в особенности хлеба на фоне роста численности населения заставила руководство страны прибегнуть к осуществлению мер по обеспечению продовольственной безопасности. На февральско-мартовском пленуме ЦК КПСС 1954 года [2] руководство страны во главе с Н. С. Хрущевым предложило в короткие сроки решить продовольственную проблему путем распашки и вовлечения в сельскохозяйственный оборот миллионов га неиспользуемых земель в восточных регионах Советского Союза. Для реализации этого плана необходимо было мобилизовать десятки тысяч советских граждан. Идеи КПСС нашли поддержку в народных массах, наблюдался патриотический всплеск, который во многом сыграл ключевую роль на начальном этапе целинной кампании. Тысячи энтузиастов, невзирая на трудности, отправились строить «новую жизнь».

Воспоминания современников ярко описывают дух того времени. Костромичка А. В. Алексеева вспоминает: «Стали набирать на целину, и я сразу захотела, как же не ехать, с моим боевым характером. На целину ехали люди волевые, кто был готов к трудностям. Я откликнулась на призыв партии и хотела помочь своей Родине». [3] Другой костромич Е. С. Зайцев описывает уличную атмосферу после опубликования в прессе решений февральско-мартовского пленума 1954 года: «Идешь по городу и по репродукторам играли песни «Едем мы, друзья, в дальние края», данная песня была вроде как позывного» [4]. О том, что музыка создавала особое настроение, сообщает и его земляк Н. И. Соловьев: «Молодежь откликнулась, мы были полны энергии. Пошли в райком комсомола и попросились. Музыка звучала: «Едем мы, друзья, в дальние края, станем новоселами ты и я». [5]

Патриотический подъем особенно царил в молодежной среде. На целинные земли отбирали добровольцев, достигших 18 лет, при этом многие несовершеннолетние граждане

были полны решимости отправиться осваивать новые земли, о чем нам сообщает уроженец п. Антропово Костромской области А. В. Беляев: «Два дня за «путевкой на целину» в очереди стоял. Когда освоение целинных и залежных земель началось, мне семнадцать лет было. Поэтому очень переживал, что меня, как несовершеннолетнего, не возьмут».[6] Даже в школах призыв коммунистической партии вызвал большой интерес к целинной кампании у юных костромичей. А. А. Захаров вспоминает: «Услышав о начале освоения новых земель, мы чуть школу не побросали с ребятами»[7].

Для того, чтобы понять, какие мотивы двигали добровольцами ехать на новые земли, необходимо обратиться к документам того периода. Заявления целинников точно передают атмосферу патриотизма, которая царила в обществе. Жители разных районов Костромской области писали о том, что они готовы откликнуться на призыв партии и помочь Родине в борьбе за хлеб. Так, костромичка Е. И. Ларионова в заявлении сообщала о своем желании «отдать все силы и энергию на общее дело советского народа осваивая земли в районе Казахстана»[8]. Другая костромичка В. А. Пивоварова в патриотическом порыве писала о том, что она «хотела работать там, где всего труднее».[9] Жительница Мантуровского района В. А. Смирнова в своем заявлении отмечала: «Я не боюсь трудностей, и буду работать по комсомольски. Хочу участвовать на новом поле трудового сражения за коммунизм».[10] Чухломич Ю. И. Волков просил принять его на работу в районы освоения целины, так как он хотел быть полезным Родине[11]. В Нейском районе К. В. Твердова сообщала о том, что она «хотела быть в первых рядах борцов за мир на земле и процветании Родины», участвуя в целинной кампании[12]. Эти заявления говорят о том, что костромичи испытывали эмоциональный подъем, были готовы к активному участию в целинной программе.

Порой письма были адресованы лично на имя Н. С. Хрущева, что свидетельствует о том, что для людей участие в целинной кампании было значимым событием, в какой-то мере делом всей жизни. Так мантуровец В. М. Мильков в своем заявлении просил лично Никиту Сергеевича отправить его на новые земли[13]. Житель Поназыревского района Костромской области Н. Я. Мазуренко также писал письмо лично Н. С. Хрущеву, в котором просил отправить его со всей семьей на целину[14]. В обоих письмах заявители просили не отказать им в просьбе. Письма с подобными просьбами от костромичей были отправлены и на имя К. Е. Ворошилова[15]. Таким образом, целинников побуждало отправиться на освоение новых земель чувство патриотического долга. Многие добровольцы, как подтверждают документы, в первую очередь хотели быть полезными Родине и готовы были оказать свою помощь, невзирая на трудности. Конечно, не только чувства патриотизма стали движущей силой масс, многие костромичи преследовали и свои интересы. К примеру, люди, не имеющие работы дома, хотели обрести ее на целине. Так, жители Ореховского и Нейского районов Костромской области В. Н. Захаров и Г. Д. Ермолаев хотели отправиться на новые земли по причине отсутствия работы по месту жительства[16]. Из-за сокращения на работе костромичи хотели уехать на целину, о чем свидетельствуют заявления М. С. Смирнова[17] и Н. С. Тематеририухина[18]. Рабочий И. С. Александров в своем заявлении просил отправить его на новые земли по причине отсутствия собственного жилья[19]. В целом, причины отправиться на целину у каждого были свои.

Подводя итоги, можно отметить, что в 1954-1955 гг. целинная кампания вызвала в Костромской области, действительно, большой интерес у местных жителей. Многие заявления добровольцев свидетельствуют о том, что в обществе царил дух патриотизма. Люди хотели проявить себя и помочь Родине в решении насущных проблем. Письма костромичей разные и порой контрастируют, одни добровольцы готовы были ради решения поставленных задач партии трудиться не жалея сил на грани своих возможностей,

другие участники кампании пытались извлечь выгоду из сложившейся ситуации для себя. В целом при анализе документов можно утверждать о том, что патриотизм был одним из ключевых мотивов в Костромском крае, который побуждал людей отправляться осваивать целинные земли в восточных областях страны.

Источники и литература

- 1 Плотников С. Стихотворение «Письмо с Алтая» / Северная правда. 1 мая 1954 г. [2] Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) / КПСС ; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС ; Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. - Т. 8 : (1946–1955). – 1985. – С. 359 [3] Алексеева А. В. Воспоминание о целине. Запись А. А. Рыбина. Из личного архива автора. г. Кострома 19 февраля 2016 г. [4] Зайцев Е.С. Воспоминание о целине. Запись А. А. Рыбина. Из личного архива автора. г. Кострома 21 февраля 2016 год. [5] Голятин С. Судостроитель в степях Казахстана / Северная Правда. 25 марта 2004 г. [6] Бресская Л. Целина / Молодой Ленинец 29 октября 2008 г. [7] Захаров А. А. Воспоминание о целине. Запись А. А. Рыбина. Из личного архива автора. г. Кострома 31 марта 2016 год. [8] Государственный архив новейшей истории Костромской области (Далее ГАНИКО). Ф. П-1018. Оп.24. Д.152. Л.7 [9] ГАНИКО. Ф. П-1018. Оп.24. Д.152. Л.16 [10] ГАНИКО. Ф. П-1018. Оп.21. Д.35. Л.55 [11] ГАНИКО. Ф. П-1018. Оп.24. Д.147. Л.118 [12] ГАНИКО. Ф. П-1018. Оп.24. Д.152. Л.139 [13] ГАНИКО. Ф. П-1018. Оп.24. Д.152. Л.120 [14] ГАНИКО. Ф. П-1018. Оп.24. Д.152 Л.37, Об. 38 [15] ГАНИКО. Ф. П-1018. Оп.24. Д.152 Л.23 [16] ГАНИКО. Ф. П-1018. Оп.24. Д.147. Л. 4 [17] ГАНИКО. Ф. П-1018. Оп.24. Д.152. Л.65 [18] ГАНИКО. Ф. П-1018. Оп.24. Д.152. Л.126 [19] ГАНИКО. Ф. П-1018. Оп.24. Д.152. Л.49